

85 лет К.В. Чистову

ВЛАДИМИР КИСЛЯКОВ

20 ноября 2004 г. исполнилось 85 лет со дня рождения одного из ведущих отечественных фольклористов и исследователей культуры восточных славян, члена-корреспондента РАН, профессора Кирилла Васильевича Чистова.

Имя К.В. Чистова хорошо известно в научном мире не только нашей страны, но и многих европейских стран. Он является автором более пятисот научных трудов, в том числе нескольких фундаментальных монографий¹.

Автор данной статьи не является профессиональным фольклористом и славяноведом. Поэтому в его задачу не входит скрупулезный анализ творческой деятельности К.В. Чистова. Однако многолетняя работа с Кириллом Васильевичем в одном учреждении, знакомство со многими его трудами, как мне кажется, позволяют сказать несколько слов о его вкладе в российскую науку, этнографию и фольклористику.

**Владимир Николаевич
Кисляков**
Музей антропологии и
этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург

¹ Подробные библиографии трудов К.В. Чистова: [Кирилл Васильевич Чистов 1995; Кирилл Васильевич Чистов 2001]. В дальнейшем мы будем ссылаться в необходимых случаях на библиографию 2001 г., указывая номера публикаций в ней.

Жизненный путь К.В. Чистова хорошо известен. Напомним здесь лишь основные его этапы. Он родился 20 ноября 1919 г. в Детском Селе под Петроградом, учился в Ленинградском государственном университете. В первые дни Великой Отечественной войны ушел в партизанский отряд, попал в плен, бежал, вновь участвовал в партизанском движении в Белоруссии, вернулся в действующую армию. Таким был ратный путь многих соотечественников. И эта борьба с врагом нашла достойную оценку. Кирилл Васильевич был впоследствии награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны 2-й степени и несколькими юбилейными медалями.

В 1946–1947 гг. Чистов учился в аспирантуре на кафедре русского фольклора филологического факультета ЛГУ, а затем, на протяжении пятнадцати лет (1947–1961 гг.) работал в Петрозаводске, в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Здесь он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором литературы и народного творчества (кандидатскую диссертацию «Народная поэтесса И.А. Федосова» он защитил 29 августа 1951 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте). Тогда же началась и преподавательская деятельность К.В. Чистова: в течение нескольких лет он читал лекции в Петрозаводском педагогическом институте.

В 1961 г. К.В. Чистов был переведен в Ленинград, где возглавил сектор этнографии восточных славян в Институте этнографии АН СССР. В этой должности К.В. Чистов работал на протяжении тридцати лет. При этом под его руководством работали специалисты как Ленинграда, так и Москвы. С 1991 г. К.В. Чистов продолжает трудиться в том же секторе в качестве главного научного сотрудника.

Научные интересы К.В. Чистова определились еще в 1940-е гг., когда он проходил подготовку под руководством одного из крупнейших российских фольклористов Марка Константиновича Азадовского. Вообще же надо сказать, что как в студенческие годы, так и в годы аспирантуры К.В. Чистову посчастливилось слушать лекции и общаться со многими выдающимися представителями отечественного литературоведения, фольклористики и филологической науки в целом (Б.В. Томашевским, Б.М. Эйхенбаумом, В.Я. Проппом, В.М. Жирмунским и др.).

В 1950-е гг., работая в Карелии, К.В. Чистов основное внимание уделял исследованиям различных жанров устного народного творчества как карел, так и русских этого региона (причитания, плачи, былины, эпос)¹. Надо сказать, что именно К.В. Чистову принадлежит заслуга

¹ См., например, такие работы К.В. Чистова, как: [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 30, 40, 81, 82, 93, 100, 109]. К.В. Чистов много сделал для исследования «Калевалы». Помимо нескольких статей, им была осуществлена текстологическая подготовка издания этого памятника: [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 466]. Здесь же была опубликована статья К.В. Чистова «„Калевала“ в переводе Л.П. Бельского». Кроме того, К.В. Чистов осуществил научное редактирование монографии: Хурмеваара А. «Калевала» в России: К истории перевода. Петрозаводск, 1972 [Чистов 2001: № 219].

открытия творчества выдающейся вопленицы Ирины Андреевны Федосовой. К.В. Чистов посвятил ей фундаментальные монографии и несколько статей, а также опубликовал ее произведения [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 54; 438; 337]. В то же время он изучал и другие аспекты традиционной культуры, в частности, культурные связи между русскими, карелами и финнами. Он опубликовал около ста трудов по этой тематике. Что не только способствовало профессиональному росту К.В. Чистова как фольклориста, этнографа и культуролога, но и внесло заметный вклад в углубленное изучение культуры народов Карелии, в общем-то мало известной в науке.

И в дальнейшем, когда К.В. Чистов стал работать в Институте этнографии АН СССР, интерес к проблемам культуры Севера России у него не только не исчез, но продолжал интенсивно развиваться. Под его руководством и при непосредственном участии в возглавляемом им секторе возникло целое направление научных исследований традиционной культуры Русского Севера, что нашло отражение в появлении нескольких выпусков сборников трудов [Фольклор... 1973; Культура... 1988; Русский Север 1981; Русский Север 1986; Русский Север 1992], монографий [Бернштам 1978; Бернштам 1983; Бернштам 1988], кандидатских диссертаций [Логинов 1986; Финченко 1986; Щепанская 1986].

В 1960-е гг. К.В. Чистов обратился к исследованию такого важного с точки зрения как фольклора, так и этнографии явления, как социально-утопические легенды, бытовавшие у русских в допетровской Руси и продолжавшие существовать на протяжении последующих нескольких веков вплоть до середины XIX в. Этой теме была посвящена его докторская диссертация (1967 г.), по материалам которой К.В. Чистов опубликовал монографию¹, вызвавшую значительный интерес в научных кругах СССР и ряда зарубежных стран.

В 1970-е гг. тематика научных исследований К.В. Чистова расширилась. Он обратился к общетеоретическим проблемам фольклористики и этнографии. Результатом этих изысканий явились его участие в подготовке коллективного труда «Современные этнические процессы в СССР» [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 259; 279], удостоенного Государственной премии СССР (1981) и выпуск монографии «Народные традиции и фольклор: Очерки теории» [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 395].

К.В. Чистов много сделал для того, чтобы не были забыты имена крупных российских ученых, внесших значительный вклад в развитие отечественной фольклористики и этнографии. Помимо публикаций о своем учителе М.К. Азадовском [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 141; 451; 453; 470; 473; 540]², он писал Д.К. Зеленине [Ки-

¹ [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 150]. Значительно переработанное и дополненное издание этой книги вышло в свет в 2003 г. [Чистов 2003]. В 1998 г. эта книга появилась в немецком переводе: [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 555].

² Кроме этого, К.В. Чистов опубликовал две рецензии на двухтомный труд М.К. Азадовского «История русской фольклористики (М., 1958–1963): [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 98; 126], а также рецензию на книгу «Воспоминания о М.К. Азадовском (Иркутск, 1996): [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 560].

рилл Васильевич Чистов 2001: № 300]¹ и В.Я. Проппе [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 347, 596]². К.В. Чистов неоднократно выступал со статьями о Д.В. Бубрихе, Т.В. Станюкович, Н.В. Новикове, А.М. Астаховой и др.³ Несколько статей им было опубликовано в международном издании «Enzyklopädie des Marchen»⁴.

Большой заслугой К.В. Чистова явилась публикация архивных документов, хранящихся во Фрайбурге. Здесь, в Центре «Немецкий Архив народной песни» хранятся письма на родину советских людей, угнанных во время Великой Отечественной войны в Германию. Эти письма были изучены и опубликованы К.В. Чистовым в России и в Германии [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 553; 554].

В 1980–1990 гг., период кардинальных перемен в истории нашей страны, К.В. Чистов в научной и общественной деятельности обратился к новой для себя проблеме. В эти годы он неоднократно выступает как в специальных изданиях [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 467; 471; 475; 506], так и в ленинградских (петербургских) СМИ со статьями о межнациональных отношениях [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 455; 457; 458; 478; 479; 505]. В этих публикациях ученый призывал к взвешенному подходу в решении столь острых вопросов.

Обозревая научную и творческую деятельность К.В. Чистова нельзя не сказать и об огромной научно-организационной работе, которую он проводит на протяжении нескольких десятилетий. Особенно ярко это проявилось в 1970–1990 гг. В руководимом им секторе он организовал группу, члены которой занимались изучением этносоциологии городского населения, и прежде всего, Ленинграда (Петербурга)⁵. С 1980 по 1991 гг. он являлся главным редактором журнала

¹ К.В. Чистов принимал деятельное участие в работе над книгой «Проблемы славянской этнографии» [Проблемы... 1979], подготовленной к 100-летию со дня рождения Д.К. Зеленина, и был одним из ее ответственных редакторов. Благодаря его настойчивости вышел в свет под его редакцией перевод классического труда Д.К. Зеленина «Russische (Ostslavische) Volkskunde», опубликованного в Берлине в 1927 г. [Зеленин 1991].

² К.В. Чистов способствовал выпуску книги В.Я. Проппа «Русская сказка» [Пропп 1984]. Он был одним из ответственных редакторов и автором статьи «В.Я. Пропп — исследователь русской сказки» (с. 3–20). В 1986 г. эта книга была переведена на японский язык.

³ К.В. Чистов является автором нескольких статей по истории отечественной этнографии [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 250; 366; 367; 430; 493]. Он является автором многих статей и воспоминаний о творческом пути своих коллег и предшественников, в частности [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 124; 198; 343; 358; 474; 500; 503; 504; 537; 538; 550; 561; 562; 563]. Чистов также публиковал биографические статьи в ряде энциклопедических и библиографических справочников (Большая советская энциклопедия (2-е изд.), Краткая литературная энциклопедия, Славяноведение в дореволюционной России).

⁴ Здесь были опубликованы статьи о Варваре Павловне Адриановой-Перетц (1975), Анне Михайловне Астаховой (1976), Дмитрие Михайловиче Балашове (1976), Владимире Соломоновиче Бахтине (1976), Петре Алексеевиче Бессонове (1977), Петре Григорьевиче Богатыреве (1977), Викторе Михайловиче Гацке (1986), Николае Павловиче Дашкевиче (1980), Петре Павловиче Ершове (1982), Николае Владимировиче Новикове (2000), Николае Евгеньевиче Ончукове (2000), Владимире Ивановиче Чичерове (1979) [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 258; 271; 272; 273; 284; 285; 409; 330; 357; 567; 568; 317].

⁵ По этой тематике были защищены диссертации [Старовойтова 1980; Коган 1985], опубликованы монографии [Старовойтова 1987; Юхнева 1984]. На протяжении многих лет в Институте этнографии АН СССР (МАЭ РАН) проходят ежегодные Чтения «Этнография Петербурга (Ленинграда)» под руководством Н.В. Юхневой, в которых принимают участие

«Советская этнография». Он принимал участие в подготовке и был ответственным редактором нескольких фундаментальных коллективных трудов [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 137; 138; 158; 306; 321; 324; 394; 414], прежде всего по этнографии восточных славян, редактировал индивидуальные монографии как сотрудников соевого сектора, так и других исследователей [Байбурин 1983; Бернштам 1978; Бернштам 1983; Бернштам 1988; Пименов 1977; Рабинович 1988; Старовойтова 1987; Сурхаско 1977; Шепанская 1993; Юхнева 1984 и др.]

Под его научным руководством были подготовлены и успешно защищены несколько кандидатских диссертаций [Байбурин 1977; Бернштам 1968; Лаврентьева 1986; Старовойтова 1980; Терюков 1990; Чувьуров 2003; Шепанская 1986]. Среди его учеников есть и доктора наук.

Особо следует сказать о вкладе К.В. Чистова в международный проект издания трехтомника, посвященного этнографии восточных, западных и южных славян. Работа над ним началась в начале 1970-х гг. по инициативе польских этнографов и продолжалась на протяжении полутора десятилетий¹. К.В. Чистов приложил много усилий для координации сотрудничества ученых в разных странах. К сожалению, в силу разных причин, прежде всего объективного характера, завершить этот труд в полном объеме не удалось. На русском языке был издан под редакцией К.В. Чистова один том «Этнографии восточных славян» [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 435].

На протяжении многих лет К.В. Чистов являлся председателем Ученого совета в Ленинградской части Института этнографии АН СССР, членом и председателем диссертационного совета в Институте.

В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов. В течение двух десятилетий я работал помощником ученого секретаря диссертационного совета. По условиям этой работы мне приходилось довольно часто общаться с Кириллом Васильевичем. И всегда его отличали чуткость и готовность оказать необходимую помощь при подготовке заседаний и оформлении документов. Я всегда буду благодарен за это Кириллу Васильевичу.

Около четверти века К.В. Чистов читал лекции на историческом факультете Ленинградского государственного университета, профессором которого он является с 1973 г.

За большой вклад в развитие отечественной науки Кирилл Васильевич Чистов в 1981 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР (РАН), а в 1994 г. — действительным членом Санкт-Петербургской Академии гуманитарных наук. В 1984 г. он был награжден орденом «Знак Почета». Его заслуги признаны и на международной арене. Он избран членом множества европейских научных обществ, входит в состав редколлегий нескольких международных научных журналов, награжден рядом европейских премий.

многие специалисты (историки, этнографы, культурологи) из разных научных учреждений. По материалам этих Чтений издано несколько сборников.

¹ Подробнее см. [Чистов 2001: № 363].

Хотелось бы сказать здесь еще об одном. Рядом с Кириллом Васильевичем всегда находилась его супруга, Белла Ефимовна Чистова¹, которая помогала ему в его исследованиях. Вместе с ней К.В. Чистов опубликовал целый ряд книг [Кирилл Васильевич Чистов 2001: № 100; 337; 375; 543; 553; 554], прежде всего подготовил и издал несколько сборников русских фольклорных текстов.

Научная и общественная деятельность Чистова нашла широкий отклик в научной прессе. Кроме многочисленных рецензий на его труды, К.В. Чистову посвящены многие публикации как в России, так и в зарубежных странах (библиографический указатель 2001 г. насчитывает 45 подобных работ).

Деятельность Кирилла Васильевича Чистова — яркий пример жизненного пути ученого-патриота, внесшего огромный вклад в российскую науку, способствовавшего сохранению богатейшего устного творческого наследия народов нашей страны, прежде всего русских и других славян, а также плодов научных изысканий многих ученых, фольклористов, этнографов, историков.

Библиография

- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Байбурин А.К.* Русские народные обряды, связанные со строительством жилища: (К проблеме освоения пространства). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.
- Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Бернштам Т.А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- Бернштам Т.А.* Промысловые зверобойные артели поморов Зимнего Берега Белого моря во второй половине XIX — XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968.
- Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Кирилл Васильевич Чистов* / Сост. Л.А. Калашникова, М.Я. Мельц. М., 1995. (РАН. Материалы к библиографии ученых. Серия истории. Вып. 20).
- Кирилл Васильевич Чистов:* Библиографический указатель. СПб., 2001.
- Коган М.Э.* Этнокультурные ориентации инонационального населения большого города: (На материалах исследования татар, армян и эстонцев Ленинграда). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Культура Русского Севера.* Л., 1988.
- Лаврентьева Л.С.* Хлеб в русском сельском свадебном обряде: (Середина XIX — начало XX века). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Логинов К.К.* Материальная культура заонежан (середина XIX — начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Пименов В.В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.
- Проблемы славянской этнографии:* (К 100-летию со дня рождения член-корр. АН СССР Д.К. Зеленина). Л., 1979.
- Пропп В.Я.* Русская сказка. Л., 1984.

¹ О ней см.: [Решетов 2001].

- Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- Решетов А.М.* Памяти Б.Е. Чистовой // Кюнеровские чтения (1998–2002): Краткое содерж. докл. СПб., 2001. С. 164–166.
- Русский Север.* Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992.
- Русский Север.* Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.
- Русский Север.* Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.
- Старовойтова Г.В.* Проблемы этносоциологии межэтнической группы в современном городе: (На материалах исследования татар в Ленинграде). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном советском городе: Социологические очерки. Л., 1987.
- Сурхаско Ю.Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX вв.). Л., 1977.
- Терюков А.И.* Похоронно-поминальная обрядность коми-зырян (вторая половина XIX–XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.
- Финченко А.Е.* Пастушество на Русском Севере (вторая половина XIX — начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Фольклор и этнография Русского Севера.* Л., 1973.
- Чистов К.В.* Русская народная утопия: (Генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.
- Чувьюров А.А.* Локальные группы коми Верхней и Средней Печоры: Проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной самоидентификации. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Щепанская Т.Б.* Неземледелец в земледельческой деревне: Обрядовое поведение (севернорусская зона, XIX — начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Щепанская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы: 1986–1989 гг. СПб., 1993.
- Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX — начало XX вв.: Статистический анализ. Л., 1984.

ВАДИМ БАЕВСКИЙ

ВНИМАНИЕ ДРУЖБЫ ВОЗЛЮБЯ

(Дорогому Кириллу Васильевичу Чистову к 85-летию)

Я, литературовед, не могу оценивать научную деятельность этнографа и фольклориста К.В. Чистова. Живя с ним в разных городах, встречаясь от случая к случаю, я не претендую на то, чтобы дать здесь его более или менее цельный литературный портрет. Что я в состоянии, так это, не доверяя памяти, предложить читателю россыпь частных фактов, сохранившихся в моем дневнике, в письмах самого Кирилла Васильевича ко мне и в письмах еще двух-трех людей. И еще — зарисовку, по необходимости — беглую, той замечательной среды, к которой принадлежит Ки-

**Вадим Соломонович
Баевский**
Смоленский педагогический
университет

рилл Васильевич, которую я тридцать лет наблюдал со стороны и которая под давлением времени уходит в прошлое. А дальше — quod non est in actis, non est in mundo.

* * *

Нас познакомил Давид Самойлов летом 1977 г. Он уже год как перебрался из Москвы в Пярну, Кирилл Васильевич с Беллой Ефимовной и мы с женою там отдыхали во время отпуска. С Чистовыми Самойлов был знаком с «до войны», мы с ним познакомились и подружились в конце 1960-х гг.

К.В. и Белла Ефимовна сразу (не то что с первой встречи, а с первых минут первой встречи) стали держаться с нами вполне непринужденно, как будто бы мы давно знаем друг друга. Тут же они нам сообщили, что у них есть двое женатых сыновей, и предложили познакомить их с нашими дочерью и зятем. Я был несколько удивлен такой открытостью и объяснил ее себе тем, что они уже раньше что-то благоприятное знали о нас от общих знакомых; возможно, и Самойлов в своей своеобразной шутиливой манере дал нам какую-то рекомендацию, предрасположившее их к нам. Через 12 лет, в поздравительном письме в связи с моим 60-летием, К.В. написал: *«Я обнимаю Вас — без всяких сантиментов — я рад дружбе с Вами и люблю Вас. Друзья в моем возрасте приобретаются не так-то просто и легко, как было в юности»* (25.10.89).

Мысль познакомить наших детей удивила меня. Я представлял себе, что отец может привести пятилетнего сына на детскую площадку и сказать ему, указывая на малыша почище, копающегося в песочнице: «Играй с ним». Но пытаться сблизить молодых людей?.. Молодежь во все времена отличалась особенной независимостью поведения. Однако, к моему удивлению, желание К.В. и Беллы Ефимовны осуществилось самым полным образом. Готовясь писать этот очерк, я спросил дочь, как все было, и вот что она мне ответила.

«Мите было лет семь, Анечке пять, значит, было это с лишним 20 лет тому назад. Белла Ефимовна и Кирилл Васильевич, узнав у вас адрес, пришли к нам на дачу в Усть-Нарве, ведя Анечку за лапки, и явочным порядком с нами познакомились, объяснив, кто они такие и откуда про нас знают. Они жили на даче, которую снимали в Усть-Нарве, месяц и с нами общались, а потом уехали, оставив дачу и Анечку Ленке с Юркой, которые тоже с нами сразу решили подружиться. Потом туда же приехали Фима с Иррой и тоже сразу... Ну вот, а там и пошло, вплоть до того, что Кирилл Васильевич давал мне рекомендацию в Союз писателей, а с Беллой Ефимовной мы все подумывали делать немецких экспрессионистов для Литпамятников, да вот не пришлось» (электронное письмо от 02.10.2004). Однажды К.В. мне написал: *«Мы очень рады, что наши дети подружались»* (18.07.84).

* * *

Мы с Самойловым иногда переписывались стихами. Чаще всего сонетами. Зимой, узнав, что я побывал в Ленинграде, он в одном из присланных мне сонетов спросил:

*Как поживают милые Чистовы?
 Все так же ль мил задумчивый Кирилл?
 Надеюсь, все в порядке и здоровы
 И все полны энергии и сил.*

*Что говорили? Кто о чем острил?
 У нас-то, в Пярну, редки острословы.
 И сам я одичал, как гамадрил,
 Все только ем вареники да пловы.*

Летом мы с Б.Я. Бухштабом, моим старшим другом, замечательным ученым, и его женой Галиной Григорьевной отдыхали в Латвии, а К.В. и Белла Ефимовна опять в Пярну. Самойлов мне написал: *«Здесь тихо. Погода отвратительная. Знакомых не очень много. Приехали милые Чистовы с внуком. Кирилл — благороднейший человек. Привез армянского коньяку, удержавшись его выпить в Ленинграде»* (14.08.78).

Чуть позже, когда, как написал мне Бухштаб, *«опять начался этот досадный длинный перерыв между каникулами»*, от Самойлова уже ко мне домой в Смоленск пришло письмо, начинавшееся несколько меланхолически:

*Разъехались Бухштабы,
 Уехали Чистовы.
 Приятно, что хотя бы
 Все живы и здоровы!* (11.09.78)

* * *

Бывая в Ленинграде—Петербурге, я всегда старался повидать К.В. и Беллу Ефимовну. Следы некоторых встреч сохранились в моем дневнике. *«У К.В. Чистова я два с половиной часа „держал площадку“, рассказывал о Пастернаке. Кирилл Вас. получил гос. премию. Половина передается в фонд мира, половину пропивает Совет по присуждению премий in corpore. Звонили Самойлову»* (01.12.81). Что два с половиной часа «держал площадку», записал потому, что быть в центре внимания мне не свойственно. Только теплое, доброжелательное отношение хозяев дома и нескольких гостей заставило меня преодолеть обычное стремление оставаться в тени.

* * *

«Вчера вечер у Чистовых. Белла Ефимовна рассказывала о том, как интервьюировала для своей работы над Маяковским Лиллю Брик. Катанян стоял возле и следил, чтобы Л.Б. не проговорилась. Имени переводчицы, работавшей в Германии над стихами Маяковского, Л.Б. никак вспомнить не могла, но меню берлинских ресторанов помнила твердо.

В переписке Л.Б. с Маяковским, сказала Белла Ефимовна, поражает постоянное требование денег. Л.Б. страстно хотела машину, кончила курсы и настояла, чтобы Маяковский привез из Парижа рено. Все три квартиры были построены на деньги Маяковского.

В Петрозаводске Белла Ефимовна и К.В. заговорили со Шкловским о Л.Б. и ее муже. Шкловский сказал:

— Катанян? Это самый близкий из посмертных друзей Маяковского» (25.11.86).

* * *

А вот колоритный рассказ о выдающемся исследователе Некрасова и наших послевоенных государственных порядках, услышанный мною в другой раз. «К.В. Чистов: Гина не брали в аспирантуру (фронтвик, капитан запаса, член партии, окончил с отличием). С трудом пробился к секретарю обкома Кузнецову. После проволочек добился обращения обкома в управление университетов министерства. Получил разрешение поступать в аспирантуру, но только на кафедру зарубежной литературы, не русской. Причем не к руководителю-еврею (Жирмунского Кузнецов отверг). „Вот, к А.А. Смирнову“. М.М. Гин рассказал об этом Евгеньеву-Максимову. Тот долго хохотал: „Абрашка Зак!“» (22.08.87). Выдающийся германист, исследователь средневековой и ренессансной литературы, знаток Шекспира, около полувека состоявший профессором Петербургского (Ленинградского) университета, Александр Александрович Смирнов был внебрачным сыном еврея-банкира.

* * *

После смерти Самойлова я написал небольшую книгу воспоминаний «В нем каждый вершок был поэт». Когда она еще не была опубликована, я, отправляясь в очередной раз в Петербург, захватил распечатку с собой. В дневнике отмечено: «Был у Чистовых, читал записки о Самойлове. Имел значительный успех, даже у маленького Кирюши» (22.09.91). Кирюша — внук К.В., сейчас отнюдь не маленький. Еще одна совсем лаконичная заметка: «Позавчера у Чистовых. Разговор о Самойлове и его семье» (21.04.93).

* * *

Помню, во время прогулки на молу в Пярну, обдуваемый свежим ветром с залива, под звонко-голубым небом, освещенного негреющим солнцем, наслаждаясь радующим глаз видом серебристо-голубовато-черных волн и золотисто-сероватого песка на пляже, не особенно выбирая дорогу среди валунов, из которых сложен мол, К.В. увлеченно рассказывал мне о... о чем бы вы думали? В такую минуту? О Жирмунском. О том, как Пропп пришел к нему с рукописью «Морфологии сказки», и он в качестве председателя отдела искусств ГИИИ подписал эту книгу к печати. Как эффективно Жирмунский участвовал, неожиданно для диалектологов-русистов, в составлении диалектологического атласа русского языка. А в виде некоторого обобщения К.В. сказал:

— Знаете, чем Виктор Максимович отличался от нас с вами? Когда мы в своих занятиях переходим от одной темы к другой, предыдущая работа у нас помнится смутно, забывается. А у Виктора Максимовича все, чем он на протяжении жизни занимался, все постоянно было в памяти наготове.

Когда мы долго не встречались, К.В. информировал меня о событиях

научной жизни Ленинграда—Петербурга в письмах. Вот пример. *«Из здешних новостей — 6 февраля защищает докторскую А. Лавров. „А. Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность“. А позавчера рекомендована к защите докторская А. Байбурина „Проблемы семиотики традиционной культуры“»* (18.01.95).

* * *

Случилось так, что я был в Ленинграде, читал лекции в Герценовском, когда в Университете на кафедре русской литературы состоялось заседание, посвященное памяти М.К. Азадовского. К.В. и другие мои ленинградские друзья пригласили меня прийти, и это событие навсегда запечатлелось в моем сознании (и дневнике). Встреча была назначена не в помещении кафедры, а в большой аудитории. Собрались, расселись, ждем начала, а слушатели все прибывают. Пришлось переходить в зал. И зал наполнился до отказа, но переходить уже было некуда. Организатором этого события был К.В. Когда все кончилось и я выражал ему свое восхищение, он сказал:

— Я пригласил участвовать Ю.М. Лотмана и Г.А. Бялого. И когда они согласились, понял, что все будет хорошо.

Действительно, эти два оратора говорили блестяще. Как, впрочем, и другие некоторые. Но я в соответствии с темой настоящего очерка привожу только начало записи в моем дневнике. *«В Университете совершенно своеобразная атмосфера, которую я отчасти ощутил в феврале на Чтениях памяти Жирмунского. К сожалению, тогда я ничего не записал. Ленинградский ученый мир связывает столь многое: учение в Университете на филологическом факультете у неповторимо блестящей плеяды учителей; война; блокада; несправедливые гонения 30-х и, особенно, конца 40-х годов; родственные связи. Седые головы, обмен книгами, изысканная вежливость, учтивость; точно знают, кто что знает, кто чего стоит — а знают много, дорогого стоят.*

Чистов рассказал, что из спецсеминара Азадовского вышло пять книг — сборников фольклора, подготовленных студентами, два сборника научных работ, еще три книги не вышли из-за начавшейся войны. Сборник Новикова был включен в список обязательной литературы, которую он как студент должен был к выпускному экзамену усвоить. „Ты № 27 по списку выучил? — с показной заботливостью шутя спрашивали у него соученики. — Смотри, а то не сдашь“. № 27 был его собственный сборник» (17.12.78).

Несколько позже я сделал в дневнике еще одну запись, дополняющую предыдущий абзац о неповторимой университетской атмосфере. Она представляет собой некоторое обобщение впечатлений о моих старших друзьях или более далеких знакомых. Они у меня перечислены: Б.Я. Бухштаб, Л.Я. Гинзбург, Б.Ф. Егоров, А.В. Македонов, Б.Н. Путилов, С.А. Рейсер, К.В. Чистов, Е.Г. Эткинд. С В.М. Жирмунским я знаком не был, с Д.С. Лихачевым был знаком слишком мало. Запись моя озаглавлена «Научная элита», она довольно велика, так что приведу только самое существенное.

«Главное в них — надежность. Во всем. В науке — близкое к исчерпывающему знание своего предмета. Не просто уровень мировых стандартов —

они-то и устанавливают этот уровень, определяют его. Западно-германский лесковед приезжал встретиться с Борисом Яковлевичем. Он был в больнице. Я предложил встречу с кем-либо другим, но он отказался — посидел в архивах и уехал. Бухитаб ему нужен или никто. Если нужна справка — откуда эта цитата? — из Москвы звонят Рейсеру или Бухитабу.

Надежность житейская. Они во многом могут помочь и всегда готовы помочь. Нет, не готовность помочь, а стремление помочь. Преданность друзьям.

Надежность этическая.

Изысканная вежливость, корректность. „Дама“, не „женщина“.

Точность мышления и речи не только в науке.

Личное мужество перед лицом боли, болезни, смерти.

Живой интерес к общественной жизни, к международной политике.

Нет глубокого интереса к музыке, театру, живописи. Но С.А. Рейсер — знаток архитектуры Ленинграда.

Арелигиозность полная» (17.06.83; 19:30).

* * *

К.В. привлек меня к участию в двух больших петербургских научных встречах. Одна из них, Чтения памяти В.М. Жирмунского, упомяну- та выше. Другая связана с именем Б.М. Эйхенбаума. В 1986 г., когда исполнилось 100 лет со дня его рождения, в Ленинградском универ- ситете, в Пушкинском Доме, в Ленинградском отделении Союза писателей (в тех учреждениях, где его травили как космополита) прошла многодневная и многоязычная научная конференция, посвя- щенная памяти ученого. Я прочитал на ней доклад «Б.М. Эйхенба- ум — исследователь стиха». Суть его состояла в том, что некоторые утверждения Эйхенбаума, опиравшиеся на наблюдения и анализ, я проверил с помощью статистики. Наши доклады опубликованы не были, а сам я свой доклад не напечатал: мой большой друг С.А. Рей- сер сделал мне существенное замечание, опиравшееся на устные суждения Эйхенбаума (Рейсер был секретарем его семинара); следо- вало текст доклада пересмотреть, а меня отвлекли другие дела. Не- давно я получил предложение опубликовать статью об Эйхенбауме у нас в Смоленске. (Эйхенбаум родился на Смоленщине. Не в Смоленске, как написано в замечательной во многих отношениях книге Дж. Кертиса «Борис Эйхенбаум: Его семья, страна и русская литература» (СПб.: Академический проект, 2004), а в уездном городе Красном, где его отец успешно служил врачом земской больницы.) Я отыскал в своем домашнем архиве текст доклада, пролежавший 17 лет, доработал его, и в течение ближайшего месяца он должен выйти в свет.

* * *

Другую мою чем-то похожую работу опубликовал К.В. Подход В.Я. Проппа к изучению волшебной сказки совмещает большую

научную идею с убедительной методикой анализа фольклорного, мифологического и обрядового материала. Но мне давно казалось, что в своем изучении инварианта фабулы волшебной сказки В.Я. Пропп остановился несколько рано. Он даже не поставил вопрос о частотности каждой из 24 функций от А до С*; между тем по этой характеристике они сильно различаются. Мои подсчеты показали, что доминантами фабулы являются 8 функций. Положительные доминанты принадлежат завязке, отрицательные — развязке и связаны, прямо или косвенно, с ложным героем. Частотность функций от начала фабулы к концу имеет ясно выраженную тенденцию к убыванию. Поскольку начало в сознании обычно связывается с причиной, а конец — со следствием, фабулу волшебной сказки с определенной точки зрения можно рассматривать как древний механизм для исследования причинно-следственных связей. К.В. и Б.Н. Путилов без возражений приняли и опубликовали мою работу (Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984). Впоследствии я включил ее в качестве отдельной главы в мою монографию «Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы» (М.: Языки славянской культуры, 2001).

В другой раз, зная, что я занимался пословицами, К.В. заказал мне рецензию на книгу М. Kuusi «Proverbia septentrionalia» («Северные пословицы») (Helsinki, 1985). Она была опубликована в «Советской этнографии» (1987, № 6), работать над нею мне было интересно.

* * *

Занимаясь Пастернаком, я был поражен яркостью и интенсивностью проявления обрядовых и мифологических тем, образов, символов, мотивов в его лирике. Это сейчас на такие темы пишут много, а тогда в этой проблематике, как и в стиховедении, соседей в науке у меня было мало. Подготовив статью, я отправил ее в «Известия АН. Серия литературы и языка». Главным редактором журнала был академик Г.В. Степанов. Для него, как и для меня самого, описанные мною факты и их интерпретация оказались неожиданными. Он пригласил меня приехать к нему в Москву, у нас состоялась полезная для меня беседа. Самый важный вопрос, который мне был задан и который мы обсуждали, — насколько сознательно вносил Пастернак в свои стихи мифологические представления? После нашей встречи статья была опубликована (1980, № 2) с осторожным подзаголовком «Опыт прочтения».

Встретившись с настороженным вниманием Степанова и некоторых других коллег, с которыми удалось поговорить об этой моей работе, я был обеспокоен тем, насколько убедительны мои результаты, насколько обоснованны мои выводы. Я попросил К.В. устроить мой доклад в Институте этнографии. Теперь, перебирая его письма ко мне, я с раскаянием вижу, что изрядно поморочил ему голову. Ему пришлось предпринимать некоторые маневры, «чтобы у нас кто-нибудь не фыркнул, что мы занимаемся не своим делом» (29.01.79). А я, не сознавая, что усугубляю трудности, еще попросил К.В. согласовать дату моего доклада с В.Е. Холшевниковым таким образом,

чтобы я в этот приезд прочитал доклад и у него в стиховедческом семинаре в Пушкинском Доме: прошло уже 5 лет после того, как я защитил докторскую диссертацию по теории стиха, и у меня накопился новый материал.

Вспоминаю с благодарностью, что К.В. все организовал наилучшим образом. Я заранее познакомил его с текстом статьи, отданной в «Известия АН», и он прислал мне свои соображения. Отчасти выяснилось то, чего я опасался: он указал на «промашки с точки зрения фольклориста», на утверждения, выглядевшие «не очень убедительно». А дальше написал: «Главный же для меня вопрос: как следует идти к цели — сперва выделяя у Пастернака „мифологические и ритуальные элементы“, а потом выясняя их историко-литературный контекст и план, устанавливая, пришли ли они к Пастернаку „прямо“ или через толщу литературной и всякой иной традиции — или наоборот? Это спорно» (29.01.79). Этот вопрос если и не совпадает по смыслу с вопросом, поставленным передо мною Степановым, то тесно с ним связан.

К.В. договорился с Б.Н. Путиловым, и 20 марта 1979 г. состоялся мой доклад, как звучало официально, «на объединенном заседании восточно-славянского сектора и группы общих проблем Ленинградской части Института этнографии АН СССР». У меня в дневнике записано: «Доклад в Институте этнографии не вызвал бурного обсуждения, но все восемь высказываний были в поддержку моей работы по существу, с некоторыми поправками» (27.03.79). Приведенное выше в отрывках письмо К.В. и обсуждение доклада в Институте этнографии оказались мне необыкновенно полезны. Они увеличили мою осторожность в работе с мифологической, обрядовой и фольклорной проблематикой. С тех пор уже у меня вызывают недоверие поспешные, недостаточно обоснованные, а то и вовсе не обоснованные утверждения в этой области.

А 22 марта состоялся важный для меня мой доклад в Пушкинском Доме в группе стиховедения.

* * *

Дорогой Кирилл Васильевич! Вслед за поэтом желал бы я тебе представить залог достойнее тебя. Но, подчиняясь многим обстоятельствам, приходится ограничиваться сказанным. Будьте счастливы!

ТАТЬЯНА ИВАНОВА

Татьяна Григорьевна Иванова
Институт русской литературы
(Пушкинский дом) РАН,
Санкт-Петербург

Сначала было имя — Кирилл Васильевич Чистов. Его я впервые услышала на первом курсе Ленинградского государственного университета на лекциях Ирины Михайловны Колесницкой. Затем прочла книги — «Народная поэтесса И.А. Федосова» и «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.». Первая поразила богатством собранных в провинциаль-

ных газетах фактов. Подумалось: смогу ли я так скрупулезно и тщательно работать? Вторая, прочитанная на одном дыхании, захватила невероятными, как мне тогда казалось, романтическими, так и просящимися в приключенческую киноленту, судьбами самозванцев. И еще помню школярское недоумение: и это тоже фольклор? А где же жанр? Вся фольклористическая глубина этой книги будет осознана мною много позднее, когда я начну готовиться к кандидатскому экзамену.

В мае 1975 г. произошло мое знакомство с Кириллом Васильевичем. Я заканчивала свое дипломное сочинение по проблеме контаминации в волшебных сказках, и мой университетский учитель И.М. Колесницкая сказала мне, что оппонентом будет Кирилл Васильевич. С волнением я переступила порог Института этнографии, войдя в него впервые не со стороны Музея, а через служебный вход. Передала рукопись. И со страхом стала ждать вердикта. Защита дипломного сочинения прошла благополучно. И неожиданно Кирилл Васильевич предложил мне из диплома сделать статью, которая и вышла чуть позднее, в 1981 г., в сборнике «Русский Север». С этого времени я считаю Кирилла Васильевича своим «крестным отцом» в науке.

Потом было много встреч — в Институте этнографии, в Пушкинском Доме, на «Рябининских чтениях» в Петрозаводске, в его петербургской квартире, заставленной бесконечными полками книг. И разговоры — долгие беседы о фольклоре и жизни. Были статьи, написанные по поручению К.В. Чистова, и не без страха, сколько бы лет мне самой уже ни было, принесенные к нему на предварительное редактирование. Судьба складывается так, что Кирилл Васильевич оказывается рядом со мной во время самых важных событий в моей научной жизни. В 1981 г. я защищала кандидатскую диссертацию в Пушкинском Доме, Кирилл Васильевич — член диссертационного совета, одобрявшего работу. В 1994 г. докторская диссертация, Кирилл Васильевич — главный оппонент. И хотя я давно уже перешагнула ту возрастную границу, которая определяет понятие «молодой ученый», когда я оказываюсь рядом с Кириллом Васильевичем, опять ощущаю себя ученицей, а значит — защищенной, значит, тяжкий груз ответственности за науку, которой мы занимаемся, разделяет с тобой старший и мудрый коллега — Кирилл Васильевич Чистов. Счастья и здоровья Вам, Кирилл Васильевич!

БРОНИСЛАВА КЕРБЕЛИТЕ

Мое общение с Кириллом Васильевичем Чистовым достаточно продолжительно для того, чтобы узнать и осмыслить существенные черты человека. Оно началось в начале лета 1957 г., когда по поручению Эрны Васильевны Померанцевой А. Быховская и я, студентки филологического факультета МГУ, прибыли в Петрозаводск, чтобы в архиве Петрозаводского института языка, литературы и истории собрать необ-

Бронислава Кербелите
Университет Витаутаса
Великого, Вильнюс, Литва

ходимые сведения для экспедиции в Пудожский район Карелии по следам более ранних собирателей былин. На вокзальном перроне нас встретил К.В. Чистов, устроил в общежитие, привел в архив. Нас удивило, что «совсем взрослый» фольклорист отнесся к нам как к своим коллегам — ни о чем не расспрашивал, не выразил и тени сомнения в уровне нашей подготовки и способности во всем разобраться самостоятельно. Позже мы поняли, что на нас падает отблеск авторитета нашей учительницы Э.В. Померанцевой, и стали смотреть на семью Чистовых ее глазами.

Впоследствии мне не раз доводилось участвовать в работе тех же конференций и международных конгрессов, на которых выступал и Кирилл Васильевич. Всякий раз я с радостью наблюдала интерес слушателей к его докладам — он всегда был окружен желающими о чем-то спросить, что-то рассказать. Кирилл Васильевич обычно интересовался какими-то подробностями, не вошедшими в мой доклад. Как-то попросил пересказать почти всю диссертацию. Это вполне закономерно: в ту пору я занималась литовскими преданиями, и Кирилл Васильевич хотел услышать о явлениях, аналогичных тем, о которых он писал в своей книге «Русские социально-утопические легенды». Когда я сталкивалась с фольклористами, которые заявляли о том, что они забыли, что писали в своих ранее изданных книгах, я всегда вспоминала негаснущий интерес Кирилла Васильевича к тому, что он изучал в прошлом, и думала, что прав он — никогда нельзя думать: «Я уже все сказал».

После смерти Э.В. Померанцевой Белла Ефимовна и Кирилл Васильевич Чистовы заменяли ее мне и Юрию Новикову — так же пристально интересовались нашей работой. Нас объединяло уважение к памяти Эрны Васильевны, стремление заполнить ту пустоту, которая образовалась после ее кончины. Кирилл Васильевич согласился оппонировать наши диссертации — о развитии структуры и семантики сказок и о пудожской былинной традиции. Кирилл Васильевич всегда отличался толерантностью к новым методикам и точкам зрения и в своих рецензиях еще раз это продемонстрировал. Жалко лишь, на обеих защитах из-за болезни оппонента его глубокие рецензии были прочитаны другими людьми.

За долгими разговорами о фольклоре и фольклористике как-то незаметно стерлась разница возрастов — мы стали людьми одного поколения. Теперь нас объединяет общая память — об ушедшей удивительно человеческой Белле Ефимовне, о многих общих знакомых фольклористах, об учителях Кирилла Васильевича, которые каждый раз оживают в его рассказах и также становятся близкими, людьми того же поколения. Кирилл Васильевич редко говорит о пережитом во время войны, никогда — о неприятных столкновениях с другими коллегами, никогда — о предосудительных поступках других.

Такие люди, как Кирилл Васильевич, должны жить долго — чтобы объединять разные поколения исследователей фольклора, чтобы учить понимать иной взгляд, уважать иное мнение, не засорять память несущественными деталями людских слабостей или неверных поступков.

РОСТИСЛАВ КИНЖАЛОВ

О Кирилле Васильевиче Чистове впервые я услышал глубокой осенью 1942 г. в Саратове, где тогда находился ЛГУ. На филологическом факультете там училась Белла Ефимовна Чистова. Все мы в ту пору были молоды и звали ее просто Белла. От нее я и узнал, что Кирилл Васильевич ушел добровольцем на фронт и от него нет вестей. Потом мне о нем писал и рассказывал Марк Теплинский, мой сокурсник и друг. Тогда они оба уже работали в Петрозаводске. У них сложились очень теплые, дружеские отношения, которые, как я знаю, продолжают всю жизнь. Но лично я познакомился с Кириллом Васильевичем, только когда он перешел на работу в Ленинградскую часть Института этнографии АН.

Из моего многолетнего общения с Кириллом Васильевичем мне хотелось бы выделить наши частые, порой очень длительные беседы на самые различные темы в Пушкине. Кирилл Васильевич родился в Царском Селе, хорошо знает и любит его. Он многое вспоминал о том периоде своей жизни: о своей учительнице немецкого языка, судьбой которой он интересовался и спустя много десятилетий, и обо всем известных царскосельцах — Александре Беляеве, Юрии Гынянове, Алексее Толстом и других. Он рассказывал и о том, как его мать уходила по шпалам в Ленинград в то время, как в Пушкин с другой стороны города уже входили немцы...

Меня всегда поражала стойкость, ответственность и недостижимая для меня самодисциплина Кирилла Васильевича. Эти качества, как и верность убеждениям, семье и, наконец, самое главное в настоящем ученом — преданность избранной теме, мне кажется, более всего характеризуют Кирилла Васильевича. Хотелось бы выделить также его неизменную подтянутость, волю и выдержку при самых трудных жизненных обстоятельствах.

Что касается научных трудов Кирилла Васильевича, то я более всего ценю его капитальное исследование русских социальных утопий и работу над текстами уникальной сказительницы Федосовой. Научная и научно-организационная деятельность Кирилла Васильевича многогранна, широко известна и достойно оценена. Но, может быть, мало кто знает его прекрасные стихотворные переводы немецких поэтов, и в особен-

**Ростислав Васильевич
Кинжалов**
Музей антропологии и
этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург

ности такого сложного поэта, как Рильке. Мне посчастливилось слышать их от него самого.

СЕРГЕЙ НЕКЛЮДОВ

Начало моего знакомства с Кириллом Васильевичем относится к первой половине 1960-х гг. Я был тогда студентом филологического факультета МГУ, и по совету Елеазара Моисеевича Мелетинского пошел послушать спецкурс Кирилла Васильевича. Сейчас, по прошествии более чем 40 лет, мне отчетливо помнится лишь одно занятие — или, в силу «компрессирующих» свойств памяти, весь курс, обобщившийся в образе одного занятия. (Мне и спецкурс П.Г. Богатырева — примерно того же времени — вспоминается как единственный вечер в одном из закоулков третьего этажа в старом университетском здании: Петр Григорьевич читает, близко поднося к лицу исписанные огромными буквами листы, а у стенки сидит худощавый темно-волосый молодой человек — Николае Рошиану, аспирант из Румынии; остальных слушателей уже и не припомню.)

Так вот, в той лекции, которая удержалась в моей памяти, Кирилл Васильевич очень хорошо говорил о межжанровых переходах отдельных текстов и их частей — переходах, сопровождающихся сильными функциональными сдвигами. Рассказывал он, в частности, о фрагменте былины, используемом в обряде (по-моему, свадебном), что тогда для меня, как раз начавшего заниматься былиной, но исключительно как имманентной сюжетной структурой, оказалось не только неожиданным, но и определившим направление размышлений на много лет вперед. Задуматься же (причем вполне предметно) этот случай заставил меня о том, что всякий фольклорный текст не сводится к заключенному в нем содержанию и его поэтической структуре, но также (и обязательно!) должна учитываться его функция. Сейчас это представляется самоочевидным, однако не всегда дело обстояло таким образом. К тому же для каждого человека должен существовать первый шаг к постижению любой очевидности, в том числе и становящейся впоследствии «азбучной». Для меня подобный шаг был сделан во время давней лекции К.В. Чистова в маленькой аудитории на Моховой.

Сергей Юрьевич Неклюдов
Институт высших
гуманитарных исследований
РГГУ, Москва

Начавшиеся тогда отношения с Кириллом Васильевичем — и деловые, и научные, и дружеские (о последних пишу с некоторой неуверенностью, учитывая значительную разницу в возрасте и — долгое время — в статусе) — более не прерывались. Я давал свои материалы в возглавляемый им журнал «Советская этнография», в редактируемые им сборники, и сам, в свою очередь, имел удовольствие видеть его в числе авторов составляемых мною коллективных трудов и редактируемого мною журнала «Живая старина». Кирилл Васильевич благосклонно относился к моим сочинениям, а я всегда оставался его благодарным читателем.

Но главное (для меня, конечно) произошло много позже, уже в 1990-е гг., когда, перейдя из академического Института мировой литературы в Российский государственный гуманитарный университет, я получил возможность осуществить свою давнюю мечту — подготовить для студентов курс по общей фольклористике (а это совсем иная задача, чем чтение лекций о русском фольклоре как о важной части отечественной словесности). Именно при разработке данной теоретической дисциплины, в нашей высшей школе ранее не существовавшей, мне особенно понадобились работы Кирилла Васильевича. У него я нашел свежий и в высшей степени современный взгляд на специфику устной традиции как на особую форму культурной коммуникации, на соотношение фольклора и книжности, на место фольклористики в кругу других гуманитарных дисциплин и многое другое.

Я надеюсь еще многое почерпнуть из его трудов — и как исследователь, и как педагог. Я знаю, что его работы остаются весьма актуальными и для молодых фольклористов, а ведь это едва ли не высшая «проверка на прочность», особенно в наше время, столь сокрушительное для многих гуманитарных авторитетов.

ЮРИЙ НОВИКОВ

Как и многие другие участники северных экспедиций МГУ, я познакомился с Кириллом Васильевичем Чистовым в Петрозаводске после очередной поездки по Карелии. Был он нездоров, отлеживался дома после болезни, но тем не менее уговорил нашего руководителя Эрну Васильевну Померанцеву привести нас к нему в гости. Хозяин учинил нам настоящий «допрос с пристрастием»: где были, с кем встречались, что нового записали? С таких же вопросов начинались десятки других встреч с ним, неизменно приводившие к обстоятельному обсуждению той или иной научной проблемы. Никогда это не было проявлением праздного любопытства или показного участия; во всем чувствовался неподдельный интерес профессионала, который не упускает ни малейшей возможности пополнить свой «банк данных». К тому же Кирилл Василь-

**Юрий Александрович
Новиков**
Вильнюсский педагогический
университет, Литва

евич не только расспрашивал и выслушивал собеседника, но и приводил сходные примеры и наблюдения из своего богатейшего опыта собирателя и исследователя, чутко улавливал внутреннюю связь между разрозненными, казалось бы, далекими друг от друга фактами, подталкивает молодого коллегу к выводам и обобщениям более высокого порядка.

В этом я не раз убеждался на собственном опыте. Когда я работал над указателем «Былина и книга», К.В. Чистов подсказал, что в предвоенные годы лучшие сказители с Пудожского берега ходили за десятки верст в одну из деревень, чтобы посмотреть на иллюстрированную «книгу про богатырей». В их глазах это было неоспоримым свидетельством реальности описываемых в «старинах» событий. Когда я занялся проблемой соотношения коллективного и индивидуального начал в русском эпосе, Кирилл Васильевич познакомил меня с черновыми набросками своей будущей книги очерков «Русские сказители Карелии» и устно дополнил их интересными фактами. Увлеченно, с таким обилием подробностей, будто все происходило только вчера, поведал о нечаянно подслушанной «репетиции» Ивана Терентьевича Фофанова перед записью. Впоследствии этот эпизод вошел в книгу, но уникальные полевые материалы молодого тогда собирателя, к сожалению, не сохранились. А самое главное — Чистов на несколько недель предоставил в мое распоряжение один из немногих чудом уцелевших экземпляров первого издания монографии В.И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья» (1949). Безосновательно обвинив автора в недооценке роли коллектива в фольклорной традиции, весь отпечатанный тираж пустили тогда под нож; книга дошла до читателей только в 1982 г. Для меня было чрезвычайно важно уже на начальном этапе работы познакомиться с идеями Чичерова в полном объеме. Кстати, после выхода в свет этой монографии Кирилл Васильевич придирчиво сверил ее с экземпляром уничтоженного издания и был крайне раздосадован тем, что редактор позволил себе сделать в тексте некоторые купюры.

Я благодарен судьбе, которая свела меня я этим замечательным ученым и человеком — многолетнее общение с ним помогло мне полнее реализовать свои возможности. И не только мне, а десяткам других исследователей, представителям разных отраслей этнологии и фольклористики. Среди них — Регина Борисовна Калашникова и Светлана Васильевна Воробьева, сотрудницы знаменитого музея «Кижы». После изнурительного многомесячного «экскурсоводческого марафона» на острове Кижы у них порой опускались руки, не было ни сил, ни желания заниматься научными разысканиями. Но Кирилл Васильевич и устно, и письменно ободрял их, убеждал в том, что материал, которым они располагают, необходимо как можно быстрее обобщить и осмыслить, ввести в активный научный оборот, и что лучше их этого никто не сделает. Когда их диссертации были успешно защищены, он радовался этому не меньше авторов. Таковую же роль катализатора и генератора идей Чистов сыграл и в судьбе Александра Чувьюрова из Сыктывкара, накопившего ценнейший полевой материал и поначалу не знавшего, как им распорядиться. В отношении молодых исследователей Кирилл Васильевич ведет себя подобно своему любимому учителю Марку Константиновичу Аза-

довскому и другим прославленным профессорам довоенного и послевоенного Ленинградского университета, благодарными воспоминаниями о которых наполнены его рассказы о прошлом.

Довелось мне убедиться и в таланте Чистова-редактора. Многие годы возглавляя журнал «Советская этнография», будучи инициатором серийного издания «Русский Север», редактором многих монографий, он настойчиво добивался повышения их теоретического уровня, бережно и эффективно правил рукописи. Когда я чуть ли не полтора раза превысил оговоренный объем статьи, Кирилл Васильевич сократил ее с такой ювелирной точностью и осторожностью, что в содержательном плане она ничего не потеряла. Чистов-редактор обладает редким умением находить точные, быть может, единственно возможные слова и формулировки, помогая авторам выработать четкий лапидарный стиль.

ИРИНА РАЗУМОВА

Кирилла Васильевича Чистова я считаю одним из своих учителей, казалось бы, не имея на то формальных оснований. Это не может быть иначе хотя бы потому, что его книги и статьи — в ряду тех, с которых начинается для любого студента-филолога (а часто и школьника) знакомство с научной фольклористикой. В Карелии, например, изучение устной культуры и в вузах, и в школах имеет прочные основания во многом благодаря работам К.В. Чистова, посвященным русским причитаниям Карелии, воплонице Ирине Федосовой, сказителям края. На мой взгляд, предпринятое К.В. и Б.Е. Чистовыми переиздание «Причитаний северного края» Е.В. Барсова — одно из лучших фольклористических изданий последних лет. Оно может считаться образцовым по уровню текстологической подготовки и чрезвычайно ценно основательными и многоплановыми комментариями.

На протяжении многих лет я постоянно обращаюсь прежде всего к трудам К.В. Чистова, в которых обсуждаются вопросы изучения устной прозы. Это одна из тех сложнейших в теоретическом отношении областей фольклористики, с которыми, в конечном счете, оказалось связано переосмысление предметной области нашей науки и ее инструментария. Думается, статьи К.В. Чистова о типологии фольклорной прозы и об отдельных ее видах могут служить отправным моментом для новейших исследований. Теоретические положения монографии «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.» помогают в

Ирина Алексеевна Разумова

Международный центр по развитию науки, культуры и образования в Баренц/Евро-Арктическом регионе (МЦНКО)
Кольского научного центра РАН; Кольский филиал Петрозаводского государственного университета, Апатиты

интерпретации современных эсхатологических представлений и текстов.

Кирилл Васильевич — очень современный человек и ученый. Современен, прежде всего, его подход к фольклору как части повседневных и ритуальных социальных практик. Современна исследовательская позиция, которая предполагает открытость фольклористики различным областям гуманитарного знания: этнологии, социологии, истории, лингвистике. Современна научная толерантность, благодаря которой ты, к какому бы направлению ни принадлежал, всегда можешь рассчитывать на понимание. Одна из любимых мною книг — сборник «Преодоление рабства. Фольклор и язык „остарбайтеров“», составленный К.В. Чистовым в соавторстве с Б.Е. Чистовой. Уникальности материала здесь соответствует специфический взгляд фольклориста на эпистолярные тексты.

Одна из самых привлекательных черт Кирилла Васильевича — заботливое и уважительное отношение к начинающим исследователям. Его всегда приятно видеть и слушать на конференциях, которые собирают научную молодежь. Насколько я знаю, многие молодые ученые считают Кирилла Васильевича вполне «своим», несмотря на возрастную и статусную дистанцию, потому что ему очевидно интересны и новые полевые материалы, и новые подходы к ним, и мнение младших коллег о той или иной публикации. С ним всегда можно обсудить любую «нетрадиционную» идею и узнать при этом (как это нередко бывало), что она вполне согласуется с «классическими» или забытыми научными идеями.

Еще относительно недавно, когда изучение современного фольклора с применением междисциплинарных методик казалось чем-то не вполне легитимным, а многие авторитетные исследователи заняли по отношению к этому направлению и даже к самому материалу резко критическую позицию, поддержка пришла именно от К.В. Чистова — ученого «классической» академической школы. Тогда это показалось удивительным. В одной из бесед, которые окончательно помогли мне утвердиться в избранном направлении, Кирилл Васильевич напомнил о своей ранней статье, посвященной устным рассказам о войне, о погибших в Карелии девушках-партизанках. Ему сказали, что это «не фольклор», но он был уверен тогда и уверен сейчас: *«Я не знаю, как это называть, но я знаю, что это надо изучать»*. Кирилл Васильевич любит повторять эту фразу вслед за одним из своих учителей, а я теперь повторяю ее своим студентам каждый раз, когда они сталкиваются с чем-то, что не вмещается в рамки известного.

Кирилл Васильевич способен, преодолевая болезнь, прийти на защиту, чтобы выступить и психологически тебя поддержать. Он никогда не забывает передать привет ученикам, коллегам, знакомым. Несмотря на годы, он красив, неизменно корректен и внимателен. Кирилл Васильевич поразительно много и плодотворно работает. И я благодарна ему за то, что продолжается «час ученичества».